

Гарегин Севунц

ТЕГЕРАН

молодая гвардия

1956

Гарегин Севун

ТЕГЕРАН

Р О М А Н

КНИГА ПЕРВАЯ

Иранская ночь

Авторизованный перевод с армянского
А. САДОВСКОГО и АРУСЬ ТАДЕОСЯН

Издательство ЦК ВЛКСМ
„Молодая гвардия“
1956

О Г Л А В Л Е Н И Е

Часть, первая	3
Часть вторая	249

Севунц Гарегин Савневич
ТЕГЕРАН, кн. 1.

Редактор *М. Филатова* Художн. *В. Родченко*
Худож. редактор *Н. Печникова* Техн. редактор *М. Терюшин*
*

A00336 Подп. к печати 21/V 1956 г. Бумага 84 × 108¹/₂ —
= 7,125 бум. л. = 23,37 печ. л. Уч.-изд. л. 22,5

Тираж 75 000 экз. Цена 8 р. 25 к. Заказ 445
*

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-55, Суцшевская, 21.

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

Глава первая

1

ад Тегераном висели иссиня-черные тучи. Веяло свежим утренним холодком. Жизнь в городе входила в привычное русло. Вот на одной из улиц показался нищий. Выйдя из-за бани, он потянулся, зевнул, ожесточенно поскреб рукой грудь и подмышкой, где сквозь лохмотья просвечивало голое тело, и двинулся дальше, разглядывая обрывки бумаги и кучки мусора на мостовой с видом человека, потерявшего что-то очень нужное.

Вслед за нищим на широкую улицу вышел из переулка носильщик — амбал. Встряхнув плечами, он поправил ляжки палана — плоского, набитого соломой тюфячка на спине — и, шатаясь, поплелся в сторону рынка.

Немного позже одна за другой начали открываться низенькие, узкие двери в глинобитных стенах дворов и на улицах появились ранние покупатели.

Мясник с выкрашенной хной рыжей бородой неохотно отпирал свою лавку. Костлявый, опаршивевший пес подошел поближе и, сев на задние лапы, следил за ним с жадным вниманием. Обернувшись, лавочник швырнул в него тяжелый замок. Пес пронзительно взвизгнул и, прихрамывая, отбежал в сторону.

В узком переулке слышался хриплый голос угольщика. Подгоняя ослика, нагруженного черными рогожными кулками, угольщик подходил к воротам домов и отрывисто выкрикивал:

— Уголь!.. Уголь!..

Следом за ним тем же переулком тащился другой ослик с двумя подвешенными по бокам корзинами, и шагавший рядом с ним продавец звонко выкрикивал название своего товара:

— Яйца!.. Самые свежие яйца!

Постепенно улицы принимали обычный вид: открывались двери лавок, чайных, мастерских медников, башмачников, портных, седельщиков, тротуары наполнялись людьми, мостовые — грузовиками, верблюдами, которые гордо вышагивали прямо посередине улицы.

Казалось, все в этом городе что-нибудь продают, и единственным покупателем был высокий, худой человек в куце, потрепанном пиджачке и слишком коротких брюках, ходивший по жилым кварталам с мешком за плечами. Заглядывая в калитки дворов, он повторял одни и те же слова:

— Старые вещи, брюки, пальто, бутылки покупаем-берем!

Вскоре начали оживать и богатые кварталы центра — Лалезара, Надри, Стамболи, где в витринах магазинов сверкали драгоценные камни и золото. На широких проспектах показались роскошные автомобили европейских и американских марок.

Город наполнялся обычным шумом дневной суеты. В невообразимой мешанине звуков слышались гудки автомобилей, окрики фаэтонщиков, зазывные вопли бродячих торговцев, резкие перестуки медников и жестянщиков. Воздух пропитался запахами моторного газа, выметаемого из лавок мусора, пыли, поднявшейся над мостовыми.

На первый взгляд ничего не изменилось в этом большом восточном городе. На своих местах оставались все эти лавчонки и мастерские ремесленников, все так же шагали по улицам верблюды, стояли полицейские на перекрестках, толпились на углах бродячие торговцы и нищие. Да и почему бы им не

оставаться на своем месте, если во всем Тегеране, несмотря на большие внешние перемены, на появление европейских мод, европейских кино и кафе с европейской шумной музыкой, жизнь текла по старому, привычному руслу?

Не происходило как будто ничего особенного и в Тегеранском политехническом институте. В этот день, как обычно, за полчаса до начала лекций коридоры стали заполняться студентами. Некоторые из них в ожидании звонка прогуливались перед зданием института по тротуарам улицы Реза-шаха.

Необычное началось с того, что за две-три минуты до начала лекций из одной аудитории выскочил в полнейшей растерянности высокий и тонкий как тростинка студент, чуть не сбив с ног проходившего по коридору преподавателя физики и математики.

— Ой! Кто же это сделал, агайи* Корани? — воскликнул он, испуганно оглядываясь на дверь аудитории.

Корани сердито посмотрел на студента:

— Что случилось?

— Взгляните сами...

Тревога студента передалась и преподавателю. Корани нерешительно подошел к открытой двери аудитории и переступил порог. Вслед за ним в аудиторию вошла группа студентов.

В помещении никого не было, но как сам Корани, так и вошедшие с ним студенты точно окаменели на месте.

На всех скамьях были разложены новенькие экземпляры учебника доктора Азади «Физика», а на классной доске четко выведено мелом в виде формулы:

$$\begin{aligned} \text{ВОСУХИ} + \text{ЗЕХТАБИ} + \text{КОРАНИ} + \text{ИНСТИТУТ} &= 0. \\ \text{АЗАДИ} + \text{ИНСТИТУТ} &= \text{ЗНАНИЕ} + \text{НАУКА} + \text{НАУКА!} \end{aligned}$$

Маленькие, болезненно воспаленные глаза Корани под синеватыми стеклами очков замигали.

— Бунтовщики! — завопил он, выбегая из аудитории и гневно озираясь.

* Ага, или, перед собственным именем, агайи, — господин.

Студенты окружили его.

— Кто это сделал? Кто?! — всматривался он в лица студентов. — Найти, сейчас же найти негодяев!

Подошла еще группа студентов. Несколько голосов одновременно спросили:

— А что случилось?

Из дверей соседней аудитории послышалось:

— Вай, баба! * У нас тоже...

— И у нас!.. — откликнулся кто-то из другой аудитории.

Разъяренный Корани кинулся в лекторскую. Не прошло и минуты, как оттуда высыпали все преподаватели и чуть не бегом направились к своим аудиториям.

Во дворе показался директор института доктор Восухи. Он шел, как всегда, с важной медлительностью, высоко поднимая голову.

Едва он ступил на площадку первого этажа, как по лестнице застучали шаги: «Чак-чак-чак-чак...» — кто-то опрометью бежал вниз по ступенькам.

Директор был еще на первой площадке, когда сбегавший по лестнице худощавый желтолицый студент, задыхаясь, бессвязно сообщил ему:

— Агайи доктор, у нас в аудиториях... у нас бунт...

На самодовольном лице директора отразилось сердитое недоумение. Нахмутив брови, он строго спросил:

— Что такое?

— Бунт... Агайи Корани говорит, что это бунт... Во всех аудиториях надписи и...

Директор начал подниматься по лестнице, даже не дослушав студента.

В коридоре второго этажа к нему подбежал другой студент:

— Агайи директор! И в нашей аудитории есть!

На этот раз Восухи вспылil:

— Да что же есть в вашей аудитории?!

* В а й, ба ба! — восклицание испуга или удивления (ой, батюшки!) у жителей северного Ирана.

— Учебники... учебники доктора Азади!

Восухи, прищурив глаза, посмотрел на студента:

— Вы здоровы? Говорите толком!

На его голос из аудиторий справа и слева выбежали студенты и преподаватели.

Первым подбежал к директору Корани, зачастил возбужденно:

— Этого невозможно больше терпеть! Агайи директор, вы должны принять самые решительные меры. Это же организованный бунт!..

Восухи с раздражением перебил его:

— Ничего не понимаю. Объясните, что у вас тут случилось.

Корани продолжал скороговоркой:

— На скамьях в аудиториях разложены экземпляры учебника Азади «Физика», а на досках сделаны возмутительные надписи!

Не задавая больше вопросов, директор отвернулся от Корани и вошел в одну из аудиторий. За ним последовали преподаватели и несколько студентов.

Здесь, так же как и в других аудиториях, на скамьях лежали книги доктора Азади, во всю доску была расчерчена оскорбительная формула, а на кафедре крупными буквами выведено:

отсюда мы хотим слышать доктора Азади!

Бритое, слегка напудренное лицо директора искажилось от гнева, глаза округлились.

— Стереть!.. Стереть!.. Собрать!.. — отрывисто приказал он, указывая на кафедру, доску, на книги, и, не заходя в другие аудитории, направился прямо в свой кабинет.

Швырнув портфель на стол, он взял телефонную трубку, вызвал полицейское управление и сообщил о начавшихся студенческих беспорядках.

Не прошло и часа, как перед зданием Политехнического института выстроился отряд полиции. Два полицейских офицера, поднявшись на второй этаж, прошли в кабинет директора. Франтоватый лейтенант с женоподобным лицом, проходя по коридору и весело

поглядывая на теснившихся вдоль стен студентов, почему-то улыбался, словно хотел сказать: «Сейчас все разберем!»

Улыбка франтоватого лейтенанта, однако, не могла рассеять у студентов тревоги, вызванной появлением полиции в институте. Всем было понятно, что это значит, и каждый из студентов с волнением ожидал, какой характер примут события.

А события сразу же приняли довольно крутой оборот.

Лейтенант недолго оставался в кабинете директора. Спустя две-три минуты он вышел оттуда и, вызвав нескольких полицейских наверх, расставил их по коридору у дверей аудиторий.

В кабинет директора были вызваны сначала два служителя института, и майор полицейской службы учинил им строгий допрос. Но оба служителя поклялись кораном, что им ничего не известно и что они даже не понимают, кто и как мог незаметно пронести такое большое количество книг и разложить их на скамейках.

Книг и в самом деле было немало — студенты вносили их в кабинет директора и аккуратно складывали в углу.

Всех больше суетился Корани. Выйдя в коридор, он приказал составить список отсутствующих по всем аудиториям.

Началась поименная перекличка.

Повидимому, на эту меру возлагались большие надежды; в коридоре столпились все преподаватели, и полицейский лейтенант сейчас же настораживался, как только раздавались слова: «Его нет, отсутствует».

Корани немедленно принимался расспрашивать:

— А вчера он был?

И кто-нибудь отвечал:

— Да нет, он уже с неделю болен...

Или же:

— Только что был здесь... И куда он делся?

— Если был здесь, немедленно разыщите! — приказывал Корани, и студенты, чтобы не подводить това-

рищей и отвести подозрение, пускались бегом на розыски.

Высокий, похожий на жирафа студент с длинной, тонкой шеей, до этого ходивший за Корани по пятам, высунув голову из окна, пронзительно свистнул. Корани, вздрогнув от неожиданности, обернулся к нему:

— Хосейн, что ты делаешь?

— Агахи в уборную побежал, агайи Корани, зову его, чтоб скорее вернулся! — громко ответил Хосейн.

Студенты захохотали.

— Перестаньте! — прикрикнул на них один из преподавателей. — Не время шутить!

Проверка ничего не дала — отсутствовали действительно только больные.

Прошел уже час, а звонка к началу занятий все не давали. Улыбка давно исчезла с лица полицейского лейтенанта. Он приказал построить студентов в один ряд и вместе с директором и Корани медленно прошел вдоль шеренг, впиваясь колючим взглядом в глаза каждого из студентов.

Но и это не дало никаких результатов.

Тогда директор, преподаватели и полицейские офицеры заперлись в кабинете и долго совещались о чем-то. Студенты бесцельно слонялись по коридорам, но не шутили и не смеялись, как обычно. Каждый из них чувствовал себя на положении арестованного: выходить из здания института было запрещено.

По углам тихо, с опаской озираясь, разговаривали:

— Как бы не закрыли институт...

— И закроют! Такие вещи не проходят даром.

Но вот двери директорского кабинета распахнулись, в коридор вышли представители полицейского управления и Восухи с преподавателями.

Вид у всех был мрачный — обнаружить виновников демонстрации так и не удалось.

По приказанию лейтенанта несколько полицейских заняли посты у главного входа, остальные, построившись в ряды, удалились.

Раздался звонок к началу занятий.

Во дворе и в коридорах института воцарилась тишина.

Один из оставленных у входа полицейских удивленно спросил:

— Куда же подевались бунтовщики?

— Наверно, там, внутри, остались, — ответил другой полицейский. — Погоди-ка, я посмотрю.

Он подошел к окну, вытянув шею, осторожно заглянул внутрь и, увидев пустой вестибюль, вернулся к двум другим полицейским.

— Никого там и нет! Клянусь имамом!

2

Всему тому, что произошло в этот день в Политехническом институте, предшествовали другие события, связанные с именем доктора Азади. Не будь этих событий, выступление оставшихся неизвестными студентов в защиту всеми любимого профессора, может быть, и не приобрело бы такой остроты.

...В полдень перед кинотеатром «Восток» собралась большая толпа.

Люди все прибывали. Подходили старики и юноши, люди разных профессий — служащие, учителя, журналисты, врачи, студенты.

Пестрый человеческий поток затопил всю улицу.

— Хабардар! Хабардар! * — то и дело слышались крики фазтонщиков.

Никто не обращал внимания на эти предупредительные окрики. Толпа неохотно расступалась лишь перед легковыми автомобилями, которые, блестя лакированными кузовами, точно жуки, медленно ползли по улице.

Над окошком кассы кинотеатра на большом листе бумаги крупными буквами было написано: «Все билеты проданы». Эту надпись можно было прочесть даже с противоположного тротуара улицы. Тем не менее все стремились пробиться к окошечку кассы, надеясь каким-нибудь способом раздобыть билет.

* Х а б а р д а р! — Берегись!

Один худощавый, остроносый юноша особенно усердно работал локтями и сильно толкнул пожилого человека с длинной черной бородой. Покачнувшись от толчка, бородач обернулся.

— Чего вы толкаетесь, молодой человек! Видите, касса закрыта.

— Простите меня, агайи Язди, — вежливо извинился юноша. На его широком лбу блестели капельки пота.

— А, это ты, Акпер? — улыбнулся чернобородый, узнав юношу. — Опоздал, мой дорогой. Билетов нет и, как видно, не будет.

— Что же делать? Мне обязательно нужно раздобыть хотя бы один. Может быть, есть у перекупщиков?

— Вряд ли. На этот раз они явно просчитались: не ожидали, что будет столько желающих попасть на лекцию доктора Азади. Вот если придет агайи Энсаби и разрешит пустить в продажу билеты на приставные стулья...

Многие именно на это и рассчитывали. Но владелец кино не появлялся, а толпа все росла. Некоторые вслух выражали свое удивление и неудовольствие:

— Что же это такое? Только недавно вывесили объявление — и вдруг такая история с билетами!

Совершенно незнакомые люди рассказывали друг другу:

— И часу не прошло, как я развернул газету и прочел объявление. Даже не особенно торопился: был уверен, что достану билет.

— Утром, когда я проходил здесь, этого объявления не было. Видно, позже вывесили.

И люди вновь перечитывали объявление, вычерченное на листе ватманской бумаги огромными черными буквами:

В пятницу, в 10 часов утра,
здесь состоится лекция на тему
„ПОСЛЕДНИЕ ОТКРЫТИЯ В ОБЛАСТИ ФИЗИКИ
И ВРАГИ НАУКИ“
Лекцию прочтет доктор математических
наук Шэмс Азади

В толпе рядом с действительно интересовавшимися лекцией толкались и случайные люди, любители зрелищ.

Тощий человек с почерневшим лицом, типичный курильщик опиума, выбираясь из толпы, недовольно ворчал:

— Сумасшедшие люди! Я думал, убили кого или бродячий человек дает представление со своей обезьяной, а они о какой-то физике говорят.

Хромой нищий, у которого шея была искривлена настолько, что голова его почти лежала на плече, подойдя к группе студентов, спросил:

— Да что же такое тут случилось, родные? А? Почему столько народу?

Один шутник с серьезным видом ответил ему:

— Ты что, спал в ухе верблюда? Не знаешь, что агайи Энсаби сошел с ума: горстями берет серебро из своей кассы и выбрасывает на улицу!

— Вот это удача!.. — пробормотал нищий и стремительно врезался в толпу; чем дальше он пробирался к кассе, тем больше выпрямлялась его шея, и лишь подсказывал он, припадая на хромую ногу, попрежнему.

Среди стоявших поодаль от кинотеатра возникали все новые догадки и тотчас распространялись в толпе. Какой-то скромно одетый человек, по виду служащий или мелкий торговец, вслух высказал свое предположение:

— А может быть, судят преступников по делу «детских ям»?..

И это казалось вполне вероятным. Люди вытягивали шеи, напрягали зрение, охваченные любопытством или негодованием, старались разглядеть кровавых злодеев, одно время наводивших ужас на весь Тегеран. Омрачались лица, слышались проклятия убийцам:

— Чтоб им вечно гореть в адском огне!..

Но вскоре предположение о суде рассеивалось и негодование беседующих уступало место простому любопытству.

Студенты строили различные планы, как достать

билеты на лекцию доктора Азади. Весельчак Заби уверял товарищей:

— Клянусь физикой земли и небес, завтра я так или иначе пролезу в зал!

— А знаете, — заговорил другой студент, — ведь Корани тоже собирался выступить. Вот это будет диспут!

Высокий студент с красивым лицом возразил:

— Да какой диспут? Объявлено же — лекция. Следовательно, говорить будет один только доктор Азади. И, конечно, он смешает с пылью этого карлика Корани.

— Хабардар!.. Эй, хабардар! — раздалось совсем рядом.

Запряженные парой гнедые кони остановились перед группой студентов, встряхивая головами и отфыркиваясь.

Почувствовав на затылке их жаркое дыхание, Заби обернулся и крикнул кучеру:

— Эй, дядя, ты что, шахский указ везешь? Куда так торопишься?

В экипаже сидели двое: седобородый молла * в белой чалме и молодой человек в синих очках, похожий на седобородого.

Молла поднялся первым с сиденья и, дрожащей рукой прикрывая от солнца маленькие гноящиеся глаза, посмотрел на толпу:

— Аллах! Что здесь происходит?

Заби насмешливо ответил ему:

— Пока ничего. А завтра в этом кино состоится интересное представление: будут подковывать алхимиков!

Все, кто слышал Заби, засмеялись, а старик молла, ничего не поняв, заморгал глазками. Сидевший рядом с ним молодой человек в очках сердито обратился к студенту:

— Это вы, Заби? Что вы тут болтаете?

Насмешливая улыбка мгновенно исчезла с лица

* Молла — мусульманский священник, также богослов, преподаватель.

студента: он никак не ожидал, что в экипаже может оказаться преподаватель института.

— Я не болтаю, агайи Корани, — вежливо ответил Заби. — Вон в объявлении прямо сказано, что завтра, в пятницу, доктор Азади прочтет здесь лекцию. Мы пришли за билетами... — И, как бы в подтверждение своих слов, он обратился к стоявшему рядом товарищу: — А ну, прочти, что за лекция.

— «Последние открытия в области физики и враги науки», — громко прочел высокий студент.

Молла, прячась, словно встревоженный барсук, в глубине экипажа, сокрушенно вздохнул:

— О аллах, до чего мы дожили! Безбожники, наглещы... Ну, я покажу вам «открытия»! Поворачивай, слышишь? — толкнул он кучера в спину.

Лицо его посинело от злобы, седая борода подрагивала.

Младший Корани прикрикнул на кучера:

— Ты что, заснул? Говорят тебе, поворачивай!

Кучер повернул коней и, выбравшись из толпы, погнался по широкой улице. Оба Корани дали волю своему гневу.

Подхватив слова отца, сын без конца твердил:

— Я вам покажу! Вы еще узнаете у меня, что такое эти ваши «враги»!.. — Он вертелся на сиденье, потрясал кулаком в воздухе. — Я его к суду притяну. Если моя статья ему не по душе, пусть бы попробовал написать ответ на нее!

— И чего добивается этот безбожник? — в тон сыну проговорил старый молла.

— Известно чего! Стремится распространить у нас большевизм! — выкрикнул сын.

От этих слов молла Корани еще больше скрючился на сиденье, сухонькие руки, как паучьи лапки, нервно дернулись на его коленях. Он очень хорошо сознавал, чем грозила «большевистская эпидемия», — недаром о ней все чаще говорилось в газетных статьях. Да и сам он не раз выступал в мечети с речами, полными ядовитой ненависти к тем, кто «сводит людей с праведного пути, начертанного всевышним». Но только сейчас эта грозная эпидемия предстала перед ним